

Ранним утром Му Ю стирал одежду, когда внезапно услышал громкий шум. Звук доносился снаружи, от главных ворот, — крики мужчин вперемешку с плачем женщины.

Такие сцены в деревне рода Сюй были редкостью. По крайней мере, по мнению Му Ю, семьи в этих краях обычно жили дружно. Иногда, проходя по деревне, он слышал, как люди тепло его приветствуют.

Однако, услышав эту суматоху, он и не подумал выйти посмотреть. Му Ю выжал одежду из таза и налил чистой воды. В следующий момент раздался громкий грохот — кто-то с размаху распахнул ворота.

Деревянные створки ударились о стену с особенно резким звуком. Му Ю тут же нахмурился: его юный господин ещё не проснулся.

Прежде чем он успел что-либо предпринять, в двор ворвался некий мужчина средних лет, таща за собой госпожу Юэяо, которую Му Ю уже давно не видел.

— Кто вы такой, и почему врываетесь в наш двор? — Му Ю сразу отложил одежду и поспешил остановить мужчину, намеревавшегося пройти дальше.

Незнакомец выглядел свирепо и угрожающе. Увидев, что Му Ю встал у него на пути, он и вовсе злобно сощурился. Мужчина поднял руку, собираясь оттолкнуть его:

— Ты всего лишь слуга! Осмелился заговорить со мной? Зови своего господина! Я хочу видеть его!

Му Ю был человеком честным и мягким, но сейчас просто хотел не допустить дальнейшего беспорядка:

— Мой господин ещё отдыхает. Если у вас есть дело, приходите позже. Если вы и дальше будете устраивать здесь дебош, я велю вышвырнуть вас вон.

— Убирайся! Не позорься! Сейчас же зови своего господина! — лицо мужчины перекопилось от злобы. Что бы Му Ю ни говорил, он всё равно оставался глух к доводам.

В этот момент из своей комнаты вышел Вэнь Цзин. Служа императору столько лет, он, несмотря на свою обычно мягкую и спокойную натуру, обладал внушительным достоинством — и сейчас он шагнул вперёд, прямо навстречу мужчине.

Он даже не удостоил мужчину прямого ответа, а лишь повернулся к Му Ю:

— Господин ещё спит. Что случилось?

Му Ю слегка занервничал:

— Молодой господин не проснулся из-за шума, верно? Этот человек ведёт себя очень странно: не только ворота вышиб, но и настаивает, чтобы его пустили к молодому господину.

Вэнь Цзин хмыкнул, с презрением взглянув на мужчину:

— Обыкновенный невежа, мечтающий увидиться с молодым господином. Какое нелепое заблуждение!

С этими словами он посмотрел не только на мужчину, но и на стоявшую за ним Ли Юэяо.

Выслушав насмешку Вэня Цзина, лицо мужчины тотчас перекопилось. Он с яростью набросился на двоих слуг:

— Вы — всего лишь прислуга, а смеете так со мной разговаривать?! Живо зовите своего господина! Я требую встречи с ним! Если он не выйдет, я устрою такой скандал, что о нём заговорит вся деревня рода Сюй!

Ли Юэяо побледнела. После слов Вэня Цзина её лицо стало ещё напряжённее. Она судорожно дёрнула отца за рукав, пытаясь остановить, но тот не обращал на неё ни малейшего внимания.

— Иди, позови стражу из соседнего двора, пусть выкинут этих людей, — сказал Вэнь Цзин. Он слишком хорошо знал, как себя ведут такие люди: на вид уступчивые, а внутри — сплошное коварство. Судя по поведению мужчины, тот явно задумал навредить их господину, поэтому Вэнь Цзин даже не стал с ним церемониться и велел Му Ю позвать подмогу.

На самом деле, Му Ю даже не пришлось никуда идти. Услышав шум, крепкие стражники из соседнего дома уже собрались у ворот. Стоило им услышать слова Вэня Цзина, как они тут же ворвались во двор, чтобы вытащить мужчину прочь.

Тот и представить не мог, что Вэнь Цзин поступит столь решительно, и уж тем более не ожидал, что так и не встретится с хозяином дома. В ярости он взмахнул кулаком, пытаясь ударить Вэня Цзина.

Во дворе сразу началась потасовка. У Вэня Цзина порвалась одежда. Несколько стражников подскочили, чтобы утихомирить мужчину, но тот с силой плюхнулся на землю, приняв позу сварливой торговки, и, размазывая слёзы, закричал:

— Я пойду к уездному начальнику! Я обвиню вашего молодого господина в совращении честной девушки!

— Следи за языком, — лицо Вэня Цзина потемнело. Он прямо-таки вонзил в мужчину взгляд, а затем с холодной улыбкой с силой пнул его ногой:

— Хочешь опорочить имя нашего господина? Жалкий заговорщик, тебе нас не одурачить.

Мужчина от удара взвился, как безумец. Он метался по двору, не в силах сдержать ярость. Ли Юэяо бросилась его унять, но он лишь сильнее злился.

В этот момент дверь со скрипом открылась, и во двор вышел Сюй Яньцин. Он с холодным выражением лица наблюдал за происходящим. В какой-то момент рядом с ним оказался даос Сюаньчэнь, положив одну руку на талию юного господина с хорошо отточенным движением.

— Ты хочешь видеть меня, но я тебя даже не знаю, — равнодушно произнёс Сюй Яньцин. Он, может, и бездельник по натуре, но подобные обвинения терпеть не собирался.

Мужчина на миг остолбенел, увидев Сюй Яньцина и Инь Яньцзюня. Особенно Инь Яньцзюня: хоть тот и был одет в даосскую рясу и выглядел как обычный даос, от него исходило настолько суровое и властное присутствие, что мужчина невольно почувствовал тревогу.

Мгновение в его глазах мелькнула паника, но он тут же её подавил и заголосил с удвоенной дерзостью:

— Ты можешь меня не знать, но должен помнить мою дочь! Разве не ты опозорил её чистую,

невинную плоть?!

Типичный деревенский хам и грубиян. Сюй Яньцин приподнял бровь и перевёл взгляд на Ли Юэяо, которая всё ещё пыталась унять отца:

— Госпожу Юэяо я, разумеется, знаю — она невестка Брата Линя. Но вот с остальным я категорически не согласен.

— Так вот каков молодой господин из столицы! Делает гнусные дела, а признаться боится! Сам опорочил девушку, а теперь строит из себя благородного господина! — Мужчина открыл рот, готовясь выругать Сюй Яньцина, но даос, стоявший рядом с молодым господином, метнул в него ледяной взгляд — и тот вынужден был смолкнуть, затаив злобу.

— Дядя, вы же знаете, что за клевету можно попасть к властям, — усмехнулся Сюй Яньцин. Он и представить не мог, что кто-то, вроде него, праздный и беззлобный, может быть обвинён в таком мерзком поступке.

Услышав это, мужчина буквально взорвался:

— К властям?! Да ты и есть преступник! Ты обесчестил мою дочь! Даже если ты не тронул её телом, ты уже запятнал её честное имя!

— Папа, хватит! Это неправда! — Ли Юэяо воскликнула и потянула отца за руку. Но тот вдруг дёрнул её прочь и, с тёмным лицом, продолжил кричать во дворе, не выбирая слов.

— Я уже сказал, дядя: между мной и госпожой Юэяо ничего не было и быть не могло. Если вы не прекратите устраивать сцены, мне действительно придётся передать вас властям, — Сюй Яньцин не хотел ссор, всё же учитывая, кем был этот человек. Но теперь стало ясно: тот намерен держаться за него мёртвой хваткой.

Сюй Линь и его жена, услышав шум, поспешили во двор. Мужчина оттащил разъярённого родственника, а Цяо Сюэр помогла подняться на ноги Ли Юэяо, которая упала на землю.

После того как успокоила кузину, Цяо Сюэр повернулась к мужчине, которого удерживал её муж:

— Дядя, не устраивайте больше скандалов. Юэяо жила у меня столько дней, и я прекрасно знаю, имела ли она с кем-то личные отношения или нет.

— Раз ты уже вышла замуж в деревню рода Сюй, понятно, что ты теперь на стороне их родни! Но у твоей кузины до сих пор хранится носовой платок этого человека! Если между ними ничего не было — откуда у неё такая личная вещь?! — с отчаянным выражением лица мужчина оттолкнул Сюй Линя, который его удерживал, и рванул к Сюй Яньцину, весь вид его был пугающе угрожающим.

Сюй Яньцин не успел увернуться и под напором отступил на два шага. В тот же миг Инь Яньцзюнь обхватил юного господина за талию и заслонил собой.

Юный господин, укрытый за спиной даоса Сюаньчэня, услышал только резкий треск ткани — и увидел, как мужчину уже повалили на землю стражники, моментально среагировавшие на нападение.

Сюй Яньцин выглянул из-за даоса и сразу же посмотрел на того с тревогой. На лице

Сюаньчэня — поразительно красивом — проступили несколько кровавых царапин, оставленных острыми ногтями нападавшего.

В ту же секунду лицо Сюй Яньцина потемнело. Его взгляд стал ледяным и пронзающим:

— Вы говорите, что у госпожи Юэяо мой платок? Тогда, пожалуйста, пусть она его покажет.

Ли Юэяо подняла на него глаза. Её плечи слегка дрожали, а перед ней стоял молодой господин — утончённый и красивый, но сейчас с лицом, холодным как лёд. Слёзы текли у неё по щекам, она лишь качала головой, снова и снова.

Увидев это, Сюй Яньцин повернулся к стражнику, державшему мужчину:

— Обыщите его.

Стражники не стали церемониться с вырывающимся мужчиной. Несколькими ловкими движениями они вытащили из его кармана носовой платок и передали его молодому господину.

Сюй Яньцин холодно хмыкнул:

— Хорошо. Сообщите в уезд. Скажите, что этот человек незаконно проник в частное владение, выдвинул ложные обвинения в адрес хозяина дома и даже напал на него.

— Почему вы подаёте на меня жалобу?! У вас же есть доказательство! У вас на руках улика, и вы всё равно собираетесь сдавать меня?! — мужчина отчаянно дёргался в хватке стражников, но не мог вырваться.

— Или пусть госпожа Юэяо сама скажет, откуда у неё этот платок? — Ледяной взгляд Сюй Яньцина вновь упал на Ли Юэяо.

Та задрожала всем телом:

— Я... я подобрала его в тот день, когда встретила молодого господина в городе. Я просто не успела вернуть его до того, как вы исчезли...

— Паршивка! Лжёшь! Сама говорила, что у тебя роман с владельцем платка! — Мужчина обрушился на дочь с потоком брани, не стесняясь называть её «дрянью» и «обузой», будто она вовсе не была ему родной.

— Этот платок мне дал взаймы даос Сюаньчэнь. На нём даже есть его личный знак, — Сюй Яньцин глянул на мужчину с холодной насмешкой. — Вы оболгали меня, да ещё и ранили даоса. Неужели думаете, что я человек с ангельским терпением?

Сказав это, он развернулся и увёл даоса Сюаньчэня обратно в комнату.

Во дворе по-прежнему царил переполох. Вэнь Цзин велел заткнуть мужчине рот куском тряпки. Затем достал из рукава жетон и передал его одному из стражников:

— Возьми этот жетон и сопроводи его к властям. Скажи, что он ранил владельца жетона. Думаю, уездный начальник разберётся.

Стражник взял жетон, быстро связал ещё дёргающегося мужчину пеньковой верёвкой и вытащил за ворота.

Наконец, взгляд Вэня Цзина упал на Ли Юэяо:

— Госпожа Юэяо, вы, конечно, хорошо всё рассчитали. Только вот просчитались вы в том, с кем связались.

Ли Юэяо дрожала в объятиях Цяо Сюэр, её слёзы не прекращались. Казалось, она совсем не поняла, что именно имел в виду Вэнь Цзин.

— Что даос Вэнь Цзин имеет в виду? — с недоумением спросила Цяо Сюэр, взглянув на него. — У нас давно умерла старшая тётя, и отец Юэяо всегда был ненадёжным человеком, который во всём предпочитал сыновей. Он и правда всегда был особенно суров с Юэяо. Неудивительно, что он устроил всё это сегодня...

Вэнь Цзин больше не хотел ничего объяснять. Он только холодно посмотрел на Ли Юэяо и, наконец, с некоторым намёком произнёс:

— Боюсь, расчёты госпожи Юэяо в итоге обернутся для неё только бедой.

—

Вскоре во дворе снова стало тихо. Внутри комнаты юный господин с силой усадил даоса в кресло:

— При стражниках, которые должны меня охранять, ты, беспомощный на вид даос, снова спасаешь меня?

В этот момент юный господин, охваченный тревогой, словно совсем позабыл, кем на самом деле был даос. Сейчас он видел в нём только мягкого и слабого человека — и сердце болезненно сжалось от мысли, что даже какой-то деревенский грубиян смог нанести вред его лицу, словно выточенному из нефрита, неземному и утончённому.

Инь Яньцзюнь, высокий и крепкий мужчина, сейчас тихо сидел в кресле с чуть опущенными веками. Его длинные ресницы дрогнули от слов юного господина — лёгкое движение, делавшее его по-настоящему «слабым, невинным и жалким».

От этого образа сердце юного господина заняло ещё сильнее. Он достал из шкафа укомплектованную аптечку и поставил её на стол, а затем бережно приподнял ладонью подбородок даоса.

Даос взглянул на него — в его ясных, красивых глазах отражался покой, но юному господину показалось, будто он дразнит достойного и благородного мужчину. И вот, из глубин его сердца вновь вынырнуло игривое, озорное чувство.

Он нежно провёл пальцами по гладкой коже на подбородке даоса и, не удержавшись, шутливо сказал:

— Лицо даосского наставника свежее, как молодой бамбук. Если бы оно и впрямь было изуродовано, сердце бы не вынесло.

У Инь Яньцзюня екнуло сердце. Он на миг задержал на нём пристальный взгляд, а потом ответил:

— Значит, молодой господин жалеет лишь это лицо моего.

Юный господин замер, а потом быстро опомнился:

— Конечно! Лицо наставника способно свергать царства. Такой человек, как я, который превыше всего ценит красоту, не может не сокрушаться.

Инь Яньцзюнь тихо усмехнулся, взгляд у него стал мягким:

— Раз так, надеюсь, молодой господин проявит немного жалости.

— Ха-ха! Наставник, мне кажется, я вас развращаю! — не выдержал юный господин, рассмеявшись вслух. Этот человек, прежде чистый и безмятежный, словно бессмертный, теперь не только умел поддразнивать, но и шутить в ответ — и этим был совершенно неотразим.

Юный господин открыл аптечку, достал пузырёк с лекарством, обмакнул в него чистую марлю и аккуратно стал протирать покрасневшие и чуть вздувшиеся царапины на лице даоса.

Он вспомнил, как тот деревенский мужик, перемазав руки в грязи, выл на земле, а потом этими руками оставил царапины на лице даоса — и от этого юному господину стало по-настоящему не по себе.

Он аккуратно обдувал обработанные места, одновременно уговаривая:

— Наставник, потерпите. У того человека руки были грязные, нужно как следует всё промыть, а потом уже мазать.

С его движениям, с его фигуры, заслонившей свет, в поле зрения Инь Яньцзюня почти ничего не оставалось. Но он успел уловить серьёзное лицо юного господина, когда тот осторожно дул на его раны — и сердце его размякло, захотелось подвинуться ближе... ближе, чем они были сейчас.

Сюй Яньцин бросил окровавленную марлю на стол, взял новую и снова протёр раны. Потом сменил лекарство и аккуратно намазал даосу лицо.

Глядя на лицо даоса, покрытое лечебной мазью, юный господин всё ещё не мог успокоиться. Настолько возвышенного человека ранил какой-то деревенский хам — это вызывало в нём глухую ярость. Он почти пожалел, что не велел Му Ю отправить весть уездному чиновнику от имени отца и брата — чтобы того человека хорошенько избили в тюрьме, а потом ещё и подержали там пару лет.

Это желание защищать было для юного господина чем-то новым. Оно пугало, поэтому он бессознательно от него отмахнулся.

Во дворе стало тихо. Цяо Сюэр отвела Ли Юэяо домой. Видя, как у кузины распухли глаза от слёз, она с любовью налила горячей воды, смочила тряпку и стала осторожно вытирать ей лицо.

Когда Юэяо немного успокоилась, Цяо Сюэр мягко спросила:

— Что на самом деле произошло? Почему твой отец устроил такой скандал у господина Сюя и сказал столько непристойных слов?

Ли Юэяо лежала в объятиях сестры, глаза у неё оставались красными:

— В тот день в городе я нашла платок господина Сюя, но не успела его догнать. Потом, на какое-то мгновение, решила оставить платок на память, ведь я знала, что я ему не интересна... Но когда вернулась домой, отец, думая, что я принесла что-то из дома твоего мужа, обыскал мою сумку, пока меня не было в комнате.

Цяо Сюэр ласково погладила её по спине, подбадривая продолжать.

— Он позвал меня обратно, потому что хочет выдать меня замуж за вдовца под пятьдесят. Я, конечно, отказалась. А когда он заподозрил, что у меня с кем-то роман, я даже не стала себя оправдывать, — Ли Юэяо снова расплакалась, покачала головой и сквозь слёзы сказала: — Я не хотела клеветать на господина Сюя, честно. Просто... я не понимаю, откуда отец узнал, что я часто бывала у него, пока жила в деревне. Наверное, из-за этого и устроил весь этот шум.

С этими словами она крепко сжала руку Цяо Сюэр:

— Сестра... я не хочу выходить замуж за вдовца, да ещё в качестве второй жены. Но я и представить не могла, что всё обернётся вот так...

— Юэяо, не волнуйся, — Цяо Сюэр крепко обняла кузину. — Сестра не позволит тебе выйти замуж за этого вдовца. Я сама пойду просить прощения у господина Сюя. Если буду ходить к нему снова и снова, он обязательно смягчится.

В этот момент в голове Цяо Сюэр промелькнули сотни мыслей. Она вновь вспомнила странные, тревожные слова даоса Вэня Цзина, сказанные на прощание у маленького двора. Колебание промелькнуло в её сердце, но, взглянув на заплаканные глаза кузины, она всё же решила до конца верить Ли Юэяо.

—

Вечером, после ужина, Инь Яньцзюнь сопровождал юного господина на прогулке по двору. Те шесть-семь кругов молодой господин прошёл без капризов — не притворялся усталым и не отлынивал, а после сам потянул даоса обратно в комнату.

Обрабатывая раны на лице даоса, юный господин говорил с полной серьёзностью:

— Сейчас жара, наставник. Нужно относиться к этому серьёзно. Если вдруг рана загноится и останется шрам — другие чиновники на большом дворцовом собрании ещё подумают, что ты получил его при сомнительных обстоятельствах.

Он никогда не скрывал своей истинной личности, поэтому Инь Яньцзюнь спокойно подхватил:

— Обычно они даже головы не поднимают, чтобы на меня взглянуть. А если и поднимут — уж точно не разглядывают так внимательно.

К тому же, кто из них осмелится отпустить шутки на такую тему?

Солёный-пресолённый молодой господин не стал спорить. Он тщательно стер излишки мази с лица даоса, а затем мягко подтолкнул его к выходу:

— Наставник, сегодня тебе не обязательно сопровождать меня. У раненых должен быть полноценный отдых. И, пожалуйста, не засиживайся по ночам над докладами.

Инь Яньцзюнь считал, что царапины на лице не столь уж и страшны, как это раздувает юный

господин. Но у него действительно были дела, так что он без возражений ушёл в свою комнату.

Вскоре дверь мягко отворилась, и в комнату вошёл Вэнь Цзин. Он опустился на колени и выразил извинения императору — в конце концов, он не сумел защитить господина Сюя и допустил, чтобы Его Величество получил ранение.

— Возвращайся во дворец и получи наказание. Ты слишком долго жил в деревне рода Сюй и потерял бдительность, — голос Инь Яньцзюня был ровным и холодным. Затем он спросил: — Что удалось выяснить?

Вэнь Цзин кивнул:

— У Ли Юэяо рано умерла мать, а отец предпочитал сыновей, обращаясь с ней как с товаром. Он давно хотел выдать её замуж за вдовца лет пятидесяти. Потому Ли Юэяо и положила глаз на молодого господина.

Сначала она якобы «случайно» позволила отцу найти платок, а потом осторожно намекнула, будто у неё был роман с каким-то богачом. Это задело алчность её глупого отца — так он и пришёл в деревню рода Сюй, надеясь на лёгкую наживу. В результате всё вылилось в притязания к молодому господину, которого он счёл слабым и податливым.

— У неё было две ставки. Если отец и впрямь смог бы выдать её за молодого господина — отлично. Но она и сама понимала, что шансов мало. Тогда в ход пошёл второй план: использовать молодого господина как нож в чужих руках — избавиться от отца, а потом, с помощью Цяо Сюэр, попытаться устроить свою жизнь, выйти замуж за кого-нибудь получше, — глаза Вэня Цзина вспыхнули холодом. Как евнух, он имел множество способов узнать правду. И Ли Юэяо, к несчастью, попала именно к нему. Она не только чуть не навредила его долгожданному принцу, но и ранила самого Его Величество.

— Раз уж она так не хочет замуж за вдовца, — Инь Яньцзюнь отложил один мемориал и, не поднимая глаз, произнёс ровно: — исполни её желание. Если не хочет выходить замуж — пусть вообще не выходит. Отправьте её в монастырь, пусть побреется и станет монахиней.

Вэнь Цзин кивнул:

— Подчинённый понял.

Если Его Величество не отдал иных распоряжений — простор для действий был велик. Отпустить её так просто? Это слишком мягко. А вот преподать урок — это уже ближе к истине. У Вэня Цзина не было репутации добряка.

Дверь скрипнула, и он тихо покинул двор.

—

В старом, тёмном и полуразвалившемся доме Ли Юэяо лежала на земле, слабая и измождённая. Несколько красных припухших царапин пересекали её тонкое лицо — она выглядела жалкой до крайности.

— Ты изначально была жалкой, — тихо сказал Вэнь Цзин, опускаясь на корточки. — Если бы ты по-настоящему обратилась к молодому господину за помощью, он, может, и сжалился бы, протянул руку. Но ты замыслила дурное, устроила заговор, подставила молодого господина... и к тому же ранила моего господина. Это уже преступление, достойное смерти.

Он поднял запачканную кровью дощечку и лёгким движением похлопал ею по лицу Ли Юэяо. Голос его был безмятежен и ровен:

— Жаль только, что господин добродушен и милосерден. Решил сохранить тебе жизнь — в счёт накопления заслуг за своего маленького принца.

Эти последние слова он произнёс почти шёпотом. Ли Юэяо не расслышала, но её тело задрожало. Человек, который рядом с господином Сюем казался вежливым и мягким, в действительности был пугающе страшен.

Вэнь Цзин неспешно поднялся и подал знак двум здоровякам:

— Уведите её.

Они без лишних слов подняли Ли Юэяо и вынесли из дома.

—

Под светом свечи Инь Яньцзюнь продолжал просматривать мемориалы. Его брови были слегка сдвинуты, лицо — холодное до леденящего равнодушия.

Он долго молчал, глядя на свиток в руках, затем безразлично отложил мемориал обратно на стол. Встал со стула, не спеша, почти бесшумно, и вышел из комнаты. Тихо остановился у двери в покои юного господина.

Он не собирался задерживаться — хотел было повернуться и уйти, но в этот момент изнутри донёсся едва слышный звук.

Юный господин что-то пробормотал во сне. В голосе проскальзывал страх.

<http://bllate.org/book/12638/1120949>